

УДК 347.97/.99

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГАРАНТИЙ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

*С.И. Ханугин, Председатель совета директоров
ООО «Юридический центр «ПРИС», кандидат юридических наук*

Самостоятельность и независимость судов как отдельной власти в цивилизованных странах давно признана одним из главных условий построения сильного демократического государства. Российское законодательство за период с начала 90-х годов прошлого столетия претерпело существенные изменения, приближающие наше общество к общеевропейским международным нормам отправления правосудия. Между тем необходимо признать, что важнейшие гарантии полноты судебной власти остаются в России декларативными, не обеспеченными ни надлежащим механизмом ответственности за их неисполнение, ни политической волей признания судебной власти полноправной самостоятельной независимой структурой. Важно отметить, что для развитого общества основная роль судов состоит не только в отправлении правосудия как такового, но и в системе обеспечения обязательности всех окончательных судебных решений. Именно последнее и является цементирующим хребтом государства, делает из судов самостоятельную власть, не только рассматривающую споры, обеспечивая справедливый баланс интересов, но и неминуемо приводящую в исполнение каждое свое окончательное решение. Если сохраняется ситуация, позволяющая препятствовать отправлению объективного справедливого судопроизводства, а тем более позволяющая игнорировать окончательные судебные решения, то ставится под сомнение наличие у судов достаточной власти как

таковой, присущей данному институту в развитом обществе. Необходимо признать, что с полнотой судебной власти и гарантиями ее осуществления в России имеются проблемы на концептуальном законодательном уровне. Сравнительно недавно российское законодательство и судебная практика справились с обеспечением права на судебную защиту в свете того, что по абсолютно достаточному спектру вопросов каждое заинтересованное лицо процессуально получило право на рассмотрение его обращения судом, тогда как по законодательной базе СССР значительная сфера вопросов (особенно в рамках административных отношений, нормотворчества) вообще не подлежала оспариванию в судебном порядке. Данная проблема коснулась и ряда судебных определений, которые на первом этапе признавались не подлежащими обжалованию. Но в последнее время остро встала проблема гарантий исполнения судебных решений и обеспечения возможности суду в полном объеме отправлять правосудие при явном злоупотреблении одной из сторон своими процессуальными правами, а вернее сказать, возможностями, используя пробелы в процессуальном законодательстве (невыполнение требований суда в процессе подготовки и рассмотрения дела, уклонение от явки в суд и представления суду соответствующих документов и объяснений, сокрытие от суда отдельных фактов и т.п.). Вместо общих оценочных суждений позволю себе лишь обратить внимание на то, что Уголовный кодекс Российской Фе-

дерации (далее — УК РФ) на сегодня содержит лишь 6 норм, связанных с неисполнением судебных решений в сфере гражданского судопроизводства это: злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, взысканной судом (статья 177 УК РФ), фальсификация доказательств (часть первая статьи 303 УК РФ), заведомо ложные показания, отказ от показаний (часть первая статьи 307, статья 308 УК РФ), нарушение требований наложенного ареста на имущество в виде его отчуждения, растраты, передачи другому лицу и т.п. (часть первая статьи 312 УК РФ), наконец, неисполнение требований судебного акта, а равно воспрепятствование отправлению правосудия (статья 315 УК РФ). Примечательно, что все они по санкциям отнесены к самым легким, т.е. признанным как наименее значимые и минимально опасные для общества по сравнению с другими. Так ли это?

Если рассмотреть статистику уголовных дел по данным составам, то и тут очевидно, что практика не нацелена на их применение, указанных дел возбуждается крайне мало. Но можно себе представить, что значит безнаказанность свидетеля, фальсификатора элементарной накладной или письменного пояснения суду в гражданском деле, куда за судебной защитой обращаются пострадавшие на многие миллионы рублей. Про ущерб авторитету судов и государства в целом, когда безнаказанными остаются уклонения от исполнения судебного решения о взыскании, можно особо и не говорить. Создается ощущение, что в России пока вообще принято за основу в отношении судебной власти ограничение ее минимальным кругом задач, сводящихся лишь к ведению судебных дел. Заботы же о жесточайшей ответственности за неуважение к суду, неисполнение требований суда, игнорирование окончательных судебных решений из законодательных норм не усматривается, тогда как только подобные меры, в совокупности с другими гарантиями, способны превратить суд в самостоятельную власть, влияющую на реальное изменение положения дел в обществе.

Европейский Суд неоднократно, и показательно, что в большинстве слу-

чаев именно по делам против России, указывал, что право на судебную защиту не ограничивается лишь возможностью рассмотрения судом обращения, оно немыслимо без государственного механизма, гарантирующего исполнение окончательных судебных решений, сама стадия исполнения судебного решения является составной и неотъемлемой частью «суда» как такового (см. дела «Бурдов против России», «Тимофеев против России», «Гиззатова против России», «Вассерман против России», «Жовнер против Украины»).

Конституционный Суд Российской Федерации вынужден был повторить данную позицию и представил ее в толковании статьи 46 Конституции Российской Федерации, указав, что право на судебную защиту остается нереализованным до тех пор, пока окончательное судебное решение по заявлению стороны фактически не исполнено (см. Постановление КС РФ от 30.07.2001 г. № 13-П, Постановление КС РФ от 14.02.2002 г. № 4П). Казалось бы, чего же более? Следуя принципу обязательности судебных актов, к которым относятся и решения конституционных судов, в стране должен был возникнуть вал дел по статьям 177, 315 УК РФ, с резким снижением количества неисполненных судебных решений. Но нет... Тотальной ответственности за игнорирование судебных решений в России нет, и судебные вердикты так и могут оставаться лишь на бумаге. Показательна в этом аспекте позиция Уполномоченного Российской Федерации в Европейском Суде, выраженная в меморандуме по жалобе № 18977\06 по делу «Мазулян против России» (заявитель жаловался, что решение суда от 2001 года о взыскании долга с государственного учреждения остается неисполненным, хотя он с тех пор обратился в суды с отдельными исками и о взыскании с субсидиарного должника, и о взыскании неустойки, и оспаривал бездействие судебных приставов, финансовых органов, и обжаловал незаконный отказ в возбуждении уголовного дела по статье 315 УК РФ, и все его требования были удовлетворены). Надо полагать, Уполномоченный России в столь уважаемой инстанции, как Европейский Суд, выражал не собственное мнение, а позицию влас-

тей, позицию государства. Так вот эта позиция сводилась к следующему: неисполнением судебных решений право на судебную защиту не нарушается, пока национальное законодательство позволяет возбудить в судах новые дела по иным связанным с неисполнением предметам и основаниям, например, о возмещении морального вреда в связи с неисполнением судебного решения, об индексации взысканной суммы (см. меморандум Уполномоченного РФ при ЕС по жалобе № 18977\06 от 30.01.2008 г.). Очевидно, что по так же неисполненному решению суда о взыскании морального вреда за длительное неисполнение судебного решения взыскателю будет посоветовано вместо заявлений о нарушении права на международном уровне обратиться за сопоставлением бездействия казначейства по неисполнению решения суда, и так до бесконечности. В данной ситуации наглядно видно, что проблему неисполнения судебных решений Уполномоченный России при Европейском Суде подменяет возможностью возбуждения дополнительных дел в судах, как бы пытаясь ситуацию представить таким образом, что нет никакой проблемы в неисполнении судебных решений, если есть возможность возбудить в судах новые дела, и судебная система России обеспечивает судопроизводство по всем таким делам. И что же мы имеем в итоге от подобной позиции? Дополнительное, в разы увеличенное количество судебных дел и, соответственно, увеличенную во столько же нагрузку на суды с очевидным недовольством обращающихся за судебной защитой и пренебрежительным отношением чиновничества к судам. А в идеале, будь судебная власть уважаема и полновластна в России, то по тому же делу Мазуляна, вместо десятка судебных дел и вовлечения в процесс огромного количества лиц (вплоть до Генеральной прокуратуры РФ, когда дело дошло до Европейского Суда), все должно было ограничиться одним первым решением Арбитражного суда Республики Татарстан о взыскании и приговором по уголовному делу в отношении руководителя должника за уклонение и воспрепятствование бездействием в исполнении судебного акта. Думается, что, почувствовав се-

рьезность последствий, руководитель должника исполнил бы судебное решение, не доводя дело до суда по уголовному делу.

Из приведенного анализа очевидно, что российский законодатель сегодня не представляет достаточных гарантий неукоснительного исполнения судебных предписаний. Часть вины в этом на сегодня лежит и на судах. Очевидно, что полноценно и полезно для общества участвовать в осуществлении власти невозможно без выработки отвечающих велению времени концепций, доктрин осуществления правосудия. И доктрины судебной власти должны заключаться не в выработке научно-практических комментариев к законам и не в теоретических позициях по той или иной трактовке понимания отдельных вопросов права, а в прямой линии поведения по проблемным вопросам, когда судебные решения нацелены на кардинальное, направленное изменение состояния дел в обществе, что особенно важно в экономической сфере. Это суды должны решать, по каким преступлениям сегодня необходимо применять максимальные санкции и с реальным лишением свободы, а по какой ситуации не требует особого вмешательства. Это суды должны решать в зависимости от ситуации в обществе, каковы должны быть суммы возмещения морального вреда по определенным случаям и как их рассчитывать. Суды также должны решать, какие обстоятельства достаточны для признания сделок ничтожными и, не оглядываясь, применять предусмотренные законом последствия. Только суды, ориентируясь на складывающуюся в обществе ситуацию, должны самостоятельно формировать доктрину определения величины взыскиваемых убытков и неустоек. Влияние судов в эффективном развитии общества и экономики может быть предельно значимым. Достаточно обратить внимание, что на сегодня огромный вред экономике наносит безответственность должников, которые тормозят оборот, не выплачивая даже при наличии решения суда огромные средства. Разве неисполнение гражданских обязательств, особенно в виде невыплат долгов, неисполнение или несвоевременное исполнение работ, просрочка

поставок и т.п. — не значимая проблема для экономики России? Но на сегодня уклоняться от исполнения решения суда о выплате долга или совершении определенных действий выгоднее, чем исполнять. На рынке коммерческих и потребительских кредитов за пользование займами приходится платить в среднем от 14 до 23 процентов годовых, а санкция за просрочку в исполнении решения суда о взыскании применима только в общем порядке на основании статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, что составляет лишь ставку рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, которая на сегодня составляет 10,5 процента годовых. Причем для взыскания неустойки взыскателю надо еще проявить инициативу и потратить время на отдельный процесс, а возможность взыскания с должника убытков в виде упущенной выгоды доведена у нас до минимума. Вот и получается, что уклоняться от выплаты долга, даже по решению суда, выгодней, чем пользоваться банковским кредитом. На фоне явного отсутствия страха должников по уголовным последствиям мы и видим в стране удручающую картину с неисполнением судебных решений о взыскании, при которых даже с экономической коммерческой позиции в выгоде остаются должники. Из-за неопределенности закона уже долгое время идут теоретические споры о том, подлежат ли выплате исключительно залогодержателю суммы от продажи заложенного имущества при банкротстве должника, и после отвлеченных рассуждений, в отсутствие какой-либо доктрины осуществления правосудия по данной сфере принята чисто теоретическая позиция о том, что арбитражный управляющий вправе из заложенного имущества удовлетворять так называемые первоочередные обязательства, т.е. те, которые не имеют отношения к залогодержателю, а возникли в большинстве своем уже в период руководства должником самим арбитражным управляющим. Ущерб экономике России от применения подобной теоретической юридической трактовки несовершенного закона очевиден — банки, опасаясь их бесправности как залогодержателей при банкротстве, не выда-

ют кредиты под один лишь залог, даже многократно превышающий стоимость кредита, пытаясь найти заемщиков с гарантированно высокими оборотами и активами. В итоге большинство малых и средних предприятий лишаются возможности привлечения кредитов под залог и не могут увеличить обороты, а в случае банкротства залогодержатели не получают из залога должного удовлетворения (на что и рассчитан, собственно говоря, сам институт залога), тогда как средства от реализации залога расходуются в пользу арбитражных управляющих и сотрудничающих с ними лиц, стоимость и необходимость услуг которых в рамках банкротства, равно как и их добросовестность, вызывают всегда сомнения (различные консалтинговые услуги, организация торгов и т.п.).

Если в стране надо решить проблему с неплатежами, то судебная власть так и должна ее обозначить, а определенная практика применения норм — лишь инструмент достижения этой цели. И если сегодня проблема низкой дисциплины в исполнении судебных решений сопряжена в целом с низким уровнем уважения судебной власти, то прямой доктриной суды могут быть нацелены на коренное изменение данной ситуации: безжалостно отменять решения об отказах в возбуждении уголовных дел по статьям 177, 315 УК РФ, если имеется лишь одно главное обстоятельство — наличие неисполненного судебного акта, более того признать необходимым возбуждение таких дел в публичном порядке, независимо от заявления какой-либо стороны, при наличии лишь самого факта неисполнения решения, а причины ситуации выяснять уже в рамках следственных действий; привлекать к максимальной ответственности и отменять решения об отказе в возбуждении уголовного дела по составам о ложных показаниях и фальсификации доказательств. Автор обращает внимание на то, что в силу статей 55, 68 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статей 64, 81 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации письменные объяснения сторон, даже третьих лиц, являются доказательствами, а значит, если лицо по гражданскому делу в них изложило

явно недостоверные сведения или скрыло факты, то налицо состав преступления, предусмотренный статьей 303 УК РФ. У нас же часто проявление неуважения к суду и начинается с того, что по представляемым суду объяснениям подписывающий их представитель не несет никакой ответственности ни за их достоверность, ни за их полноту.

Показательно, что в самых развитых странах власть суда проявляется в жесткости и неминемости санкций за нарушение процессуальных требований, что заставляет все общество неукоснительно исполнять все предписания как закона, так и суда, связанные с отправлением правосудия. Последний процесс по делу против известного певца Майкла Джексона, позволившего себе не явиться на одно из заседаний под предлогом плохого самочувствия, показал всем его в итоге спешащим в суд с перепуганным выражением лица и в подавленном настроении, в одних тапочках и домашнем халате за отсутствием времени на переодевание, так как судья отвел считанные минуты на его явку, признав причины его отсутствия неуважительными. Неисполнение грозило арестом за неуважение к

суду, и спешка артиста была вызвана тем, что он ничуть не сомневался, что опоздание точно повлечет применение санкции и снисхождения не будет. Всем помнится судебное преследование президента США Б. Клинтона, тогда еще находящегося на своем посту. Основанием для судебного преследования президента США послужил факт выявления его ложного показания судебной коллегии под присягой, когда на прямой вопрос Б. Клинтон ответил, что интересующего события не было. И именно ложь суду так жестоко и неотвратно преследовалась в отношении Б. Клинтона, что даже должность президента страны не могла остановить механизм судопроизводства, обеспеченный законодательными гарантиями полновластности, независимости и беспристрастности суда.

Учитывая особенности России, необходимо на концептуальном уровне дополнить законодательную базу нормами, обеспечивающими неукоснительное исполнение судебных актов всех видов, составы преступлений против правосудия отнести к наиболее тяжким в соответствии с уровнем важности судебной власти в системе государства.